

Сян Хань только что закончил читать информацию об этом мире, и тут же молодой евнух снаружи осторожно доложил:

— Ваше величество, старые гражданские и военные министры стоят перед императорским дворцом на коленях и отказываются встать. Они просят и просят...

Сян Хань негромко выдохнул:

— Они собираются осаждать дворец?

Молодой евнух за дверью бухнулся на колени, но больше не осмелился подавать голос.

По оригинальному сюжету, Сун Хань в это время был зол на министров, ему все больше и больше казалось, что чиновники при императорском дворе принадлежат Чжао. Давление трех больших гор больше не было, он мог делать все, что захочет, поэтому распорядился показательно избить батогами* этих министров. Министры тоже оказались норовистыми, после избиения они с криками «тиран» бросились биться о колонны, оставив после себя кровавую сцену.

(*Батог - палка, прут для телесных наказаний в старину)

Сун Хань изо всех сил старался известить Чжао Бин Чжана. Разве мог он сдаться в последний момент? Поэтому министры, стоявшие на коленях, умерли, но результат в конечном итоге не изменился.

Избавившись от Чжао Бин Чжана, Сун Хань осознал, что поднебесная по-прежнему остается той же поднебесной, а императорский двор все тем же императорским двором. Хотя и умерло несколько больших чиновников, не велика потеря, рекомендует кого-нибудь им на замену и все, никто ему ничего не сделает.

Он наконец ощутил вкус могущества, понял, что «мы и есть поднебесная» и с тех пор бешено мчался по пути тирана. Того, кто противостоял ему, он подавлял. Вместо тех, кто говорил неприятное, он тут же продвигал тех, кого приятно было слушать.

Когда Чжао Цзэ повел свои войска, пробивая себе дорогу от границы до Чанъаня*, Сун Хань вдруг осознал, что окружен клеветниками и льстецами, посаженными Сун Юем. И ни на кого из них нельзя было рассчитывать.

(*Чанъань (长安) - древняя столица Китая, ныне Сиань)

После того, как Сун Ханя свергли, Сун Юй «неохотно» взошел на трон по многократным просьбам министров. Захватив трон, он первым делом убил Сун Ханя, а затем под знаменами мести за свержение императора расправился с Чжао Цзэ.

И только перед смертью Чжао Цзэ понял, что в то время, когда была уничтожена семья Чжао, Сун Юй подослал подстрекателей к Сун Ханю. В противном случае, как бы Сун Хань, который боялся трех министров, безрассудно осмелился действовать?

Этот сюжет с Сун Юем в основе был поистине вдохновляющим примером о том, как лишенный прав на престол принц, стерпев унижение, успешно нанес ответный удар. Но, если посмотреть на это с точки зрения других людей, за что с ними так жестоко?

Сян Хань перекатился на императорском ложе и глубоко вздохнул.

На этот раз его задача заключалась в помощи Чжао Цзэ, чтобы он узнал, что из себя представляет Сун Юй, верой и правдой служил мудрому правителю и стал известным сановником своего поколения. У покойного императора было два сына, один из них был от соседа. Если искать для Чжао Цзэ мудрого правителя, то им мог быть только он.

Но если он не ошибается, люди Сун Юя должны были уже спасти Чжао Цзэ и он планирует прийти и убить его сегодня вечером... ну, должно быть, чтобы заставить его отказаться от своего намерения и спасти Чжао Бин Чжана и остальных.

Однако в оригинальном сюжете Чжао Цзэ был обнаружен, как только вошел в спальню. Поскольку он перенес пытки в темнице, после схватки с охраной, ему оставалось только униженно отступить. Напуганный Сун Хань спрятался под кроватью, поэтому за все это время они даже не видели друг друга.

Система, заметив, как он глубоко вздыхает, серьезно предложила: [Раз уж министры снаружи стоят на коленях, почему бы не уступить?]

[Что станет с авторитетом императора?] — тихо сказал Сян Хань.

Система: [Э, как же тогда поступить?] Приказ уже отдан, если не отозвать его, Чжао Бин Чжана действительно казнят?

Сян Хань немного подумал и сначала приказал охране присматривать за министрами, позволяя им стоять на коленях, если хотят, но не позволять им биться о колонны.

Он вспомнил записи в данных, где упоминалось, что после смерти министров, кроме титула тирана Сун Хань еще приобрел репутацию бесчеловечного. Более того, ему необъяснимым образом приписали гибель других двух министров.

Убедившись, что министры не убьются, Сян Хань начал обдумывать решение.

Прежде всего, нельзя потакать этим министрам. Снова и снова говорят о преданности, несправедливом обвинении и подлых интригах, но они совершенно неубедительны. Если он

просто отменит приказ, это будет выглядеть, словно его вынудили обстоятельства. В будущем если что-то случится, эти люди снова встанут на колени, что делать тогда?

Поразмыслив, он решил, что сначала все равно нужно начать с Чжао Цзэ.

Придумав ответные меры, Сян Хань вышел из спальни и занялся обычными делами мудрого правителя – ставить резолюцию на докладах.

К счастью, в первом мире Сян Хань практиковал каллиграфию и, благодаря воспоминаниям оригинального персонажа, смог полностью симитировать письмо персонажа. Под руководством старшего А, младшего Б и системы он символично обработал несколько докладов. Он старался не слишком критиковать и не слишком поощрять, чтобы не выглядеть слишком необычным.

Увидев, что время уже позднее, Сян Хань отложил работу, потер живот и направился поесть в восточный павильон. Следует отметить, что приемы пищи для императора были довольно хлопотными. Стояло так много блюд, однако он мог только смотреть, но не есть, и бесстрастно наблюдать, как евнух пробует каждое блюдо, прежде чем наступит его очередь. Хорошо, что палочки для еды были отдельными, иначе, принимая во внимание его мизофобию из последнего мира, было бы странно, если бы он смог поесть.

Министры продолжали стоять на коленях с утра и до вечера, отказываясь уходить, даже когда стемнело. После того, как Сян Хань насытился, он наказал молодому евнуху доставить им остатки еды, чтобы в будущем они не называли его бесчеловечным. Император пожаловал министрам остатки еды, это была величайшая честь.

Вернувшись в спальню, Сян Хань отослал всех окружающих охранников, чтобы Чжао Цзэ было легче войти. Вспомнив, что он придет только в час крысы*, он решил сначала принять ванну и немного поспать. Однако он никак не ожидал, что как только он отпустит евнуха и прислужницу и опустится в бочку для купания, явится мужчина.

(*Час крысы (子时) – первый большой час суток, от 23:00 до 01:00. Сутки в китайском календаре делятся на 12 частей, таким образом получается 12 двухчасовок. Каждый такой час соответствует зодиакальному животному, час крысы, час быка, час тигра и т.д.)

Когда черный от рукоятки до лезвия ледяной кинжал прижался к его шее, Сян Хань остолбенел.

Договор же был на час крысы? Сейчас только час собаки*, неужели он неправильно прочитал сюжет?

(*Час собаки – одиннадцатый большой час суток, от 19:00 до 21:00)

На самом деле, Чжао Цзэ все это время был поблизости. В оригинальном сюжете он выбрал час крысы, потому что именно в это время менялась охрана, они были крайне утомлены, и обнаружить его было бы нелегко. Но после того, как Сян Хань отослал всех своих охранников...

Чжао Цзэ внезапно появился позади него, и от такой близости Сян Хань почувствовал холод, исходящий от него.

Согласно трусливому характеру оригинального персонажа, сейчас он должен впасть в панику и начать кричать о помощи.

Сян Хань всерьез намеревался это сделать, он открыл рот, но, прежде чем успел закричать, почувствовал, как лезвие прижалось чуть теснее, а в шее появилась легкая боль.

Сян Хань тут же закрыл рот, сделав вид, что испуганно съеживается.

— Выходи, — наконец произнес Чжао Цзэ холодным тоном.

Сян Хань помолчал минутку, затем притворившись, что дрожит, сказал:

— Мы, мы без одежды.

Чжао Цзэ с явным нетерпением буквально на руках вытащил его наружу, затем быстрым движением швырнул ему халат. Сян Хань в оцепенении схватил одежду, прежде чем он успел отреагировать, лезвие снова прижалось к его шее. Его лицо покраснело от гнева.

Он только что вылез из воды, и ему было немного холодно. Дрожа, он накинул халат на плечи и только теперь наконец смог взглянуть на Чжао Цзэ.

Мужчина только что сбежал из темницы, одет он был в одеяние евнуха, а его лицо было багрово-синим, уголки его рта были припухшими, он был перепачкан кровью и нельзя было разглядеть, как он на самом деле выглядит. Однако черные как смоль глаза казались бездонными и немного напоминали глаза Лу Цзэ и остальных.

Сян Ханя охватили сложные чувства, он не был уверен разочарован он или все-таки рад.

Чжао Цзэ, вероятно, не понимал, как он сейчас выглядит. Заметив, что Сян Хань все еще с красным лицом искоса окидывает его взглядом, он мгновенно вспомнил слухи о том, что его заложнику нравятся мужчины и в его сердце невольно вспыхнуло презрение.

Человек, которому он и его отец служили верой и правдой, оказался таким невежественным, беспомощным и распущенным существом.

— Двигайся, — угрожая кинжалом, он подтолкнул Сян Ханя, вынуждая его идти к столу.

Сян Хань сделал пару шагов и вдруг замер, изобразив удивление.

— Это ты?

Чжао Цзэ чуть нахмурился, услышав, как его заложник скрипнул зубами и выдохнул:

— Подлый мятежник, у тебя действительно хватило смелости взять нас в заложники и угрожать нам? Как ты сбежал из темницы?

Закончив говорить, он повысил голос:

— Охра... умф-умф.

Прежде чем слово «охрана» было закончено, его рот заткнули. Руки Чжао Цзэ были обернуты полотняной тканью, пропитанной запахом ржавчины, пота и лекарственных трав. Под влиянием предыдущего мира Сян Хань вдруг почувствовал тошноту.

Молодой евнух, услышавший звуки, очень быстро оказался за дверью и спросил:

— Ваше величество?

Взгляд Чжао Цзэ помрачнел, стремительно повернулся, прижав Сян Ханя к стене, и, приставив нож к его шее, он холодно предупредил:

— Если вздумаешь нести вздор, тебя ожидает только смерть. Понятно?

У Сян Ханя от тошноты потекли слезы, он всхлипнул, выражая согласие. Его отпустили, и на него тут же накатил рвотный позыв, тяжело дыша, он старался прийти в себя.

Чжао Цзэ, хмурясь, напомнил:

— Отвечай.

Сян Хань всерьез подумывал попросить систему побить его, но, подумав о характере Сун Ханя, он все же отказался от этой затеи и, сдержав недомогание, ответил:

— Ничего не случилось. Уходите.

Когда евнух ушел, Сян Хань спросил дрожащим голосом.

— Ты пришел убить меня? Я так и знал вы Чжао никогда нас не отпустите. Старший брат правителя был прав, ни один министр помощник не является порядочным, вы все хотите узурпировать трон и убить нас. Мы сожалеем, что не послушали старшего брата правителя и раньше не казнили всю вашу мятежную семью...

В один момент он употреблял «мы», в другой - «я». Его речь была сбивчивой, из-за рвотных позывов на глаза навернулись слезы, он выглядел очень испуганным.

Оригинальный персонаж принял бразды правления полгода назад, ему только что исполнилось шестнадцать. Кроме того, он жил в страхе перед тремя министрами помощниками. Он не мог нормально есть, плохо спал и выглядел немного истощенным. Сейчас рыдающий с покрасневшими глазами он выглядел совершенно жалким.

Чжао Цзэ вдруг надолго замолчал. Его первоначальной целью было заставить маленького императора написать указ. Командующий охранными войсками Чанъаня был учеником его отца, и, если он сможет спасти своего отца из темницы, покинуть Чанъань не станет проблемой.

С давних времен министры помощники хорошо не уходили в отставку. После того, как маленький император вступил в свои права, было вполне естественным, что он хотел избавиться от его отца. Вообще-то отец уже планировал отправить письмо с отказом от должности. А чтобы маленький император ему поверил, он даже прикинулся больным. Но он никак не ожидал, что маленький император вовсе не собирается отпускать их живыми.

До того, как он пришел, Чжао Цзэ продолжал верить, что маленький император сознательно сфабриковал доказательства и оклеветал его отца. Но, услышав его «причитания», он вдруг понял, что все оказалось не так, как он думал.

Маленький император действительно верил, что его отец хотел восстать и убить его. А спасший его из темницы, уговаривавший покинуть Чанъань и устроивший покушение свергнутого наследника, принца Лян, оказался замешан во все это.

Дело не в том, что Чжао Цзэ не подозревал, что маленький император может прикидываться, но, наблюдая какое-то время, он заметил, что глаза маленького императора хоть и блестели от слез, однако взгляд совершенно не стремился увильнуть в сторону. Это совсем не было похоже на ложь.

Принца Лян изгнали только два года назад, обычно он проводил время в своей резиденции любясь цветами и птицами, совсем не интересуясь дворцовыми делами. Однако теперь, когда он задумался об этом, этот человек, возможно, усыпил бдительность его и его отца. Праздник принца, разве смог бы спасти его из темницы?

— Не реви, — Чжао Цзэ спрятал кинжал, чуть нахмурил брови и спросил. — Это принц Лян сказал тебе, что мой отец замышляет измену?

«Кто ревет?» Сян Хань поперхнулся, после чего сделал вид, что испугался.

— Ты, пес изменник, неужто не пощадишь еще и старшего брата правителя?

<http://bllate.org/book/12631/1120563>